

И.И. Семененко

ИСАА МГУ

Ритм как число у Мэн-цзы

О большой роли ритма в литературе Древнего Китая писал ещё в 1934 г. М. Гране, [2, с. 54–59]. В отечественной синологии первыми стали изучать это явление Л.Д. Позднеева и Л.Е. Померанцева. [3, с. 320–323; 4, с. 24–31]. К сожалению, их инициатива у нас осталась в значительной степени незамеченной. Только в последнее время вновь возник интерес к этой теме, но её рассмотрение носит слишком общий характер, не учитывает связь с риторикой и не исходит из конкретного анализа текста [5, с. 431–435]. Особенно большой материал для такого анализа даёт древнекитайская философская проза. Рассмотрим в качестве примера главу 10.2 книги Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.).

Отметим сразу: Мэн-цзы не заботили вопросы исторической правдивости. Его цель состояла в том, чтобы создать описание идеальной схемы бюрократической иерархии, освящённой авторитетом раннего Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.). Эту иерархию отличает тройственность – статус определялся по трём неравнозначным критериям. Один из них – знатность, но он не столь важен, как другой – государственная служба, поскольку удельным князьям всех степеней кладётся жалованье как остальным чиновникам вплоть до мелких служащих. В то же время они оба ставятся в зависимость от третьего, исходного критерия – качества труда землепашца. Именно градация по данному признаку становится отправным пунктом всей чиновничье-аристократической иерархии. А такую градацию труженников поля Мэн-цзы, безусловно, не мог не мыслить вне системы *цзин тянь* («колодезных полей»). Представленная выше иерархия подразумевалась как надстройка этой системы *цзин тянь*. Её минимальным компонентом становится «один мужчина» – домохозяин с наделом в

«сто му», т.е. владелец одного из восьми «частных полей», располагающихся вокруг девятого – «общественного поля», центрального среди полей, образующих «колодец» – *цзин* 井. И так, в основе построения Мэн-цзы – девять полей, и способность «лучшего» домохозяина прокормить девять человек. Девятка – одно из исходных чисел в предложенной Мэн-цзы структуре иерархии. Вообще в её внешнем оформлении он нередко подчёркивает количественные критерии – но насколько они являются чисто количественными?

Встречаясь с приводимыми Мэн-цзы числами, может невольно возникнуть соблазн связать их с традиционной китайской нумерологией, придававшей им сугубо символический смысл. Так, например, в учении Мэн-цзы о «колодезных полях» некоторые видят представление о магическом девятиклеточном квадрате как принципе космической структуры, тем самым навязывая абстрактное понимание вполне живой мысли философа по данному пункту. Мэн-цзы не придавал значения нумерологии и коррелятивности как способам познания. У него даже не упоминается ни главный источник таких подходов – «Книга перемен», ни её изначальная пара понятий *Инь–Ян* в виде двучлена. Правда, порознь эти понятия у него иногда используются, но их значение не принципиально. Наиболее показательным их использование в эпизодах легенды об уклонении от занятия царского трона соправителями умерших царей (см. 9.6). Оба претендента «бежали», но в разные места: Юй – в Янчэн, т.е. в «город *Ян*», или «Солнечный, южный город», а И – «на северные склоны (*Инь*) гор Цзишань»; и если первого народ принял, возведя на царство, то второй такого внимания не удостоился. Казалось бы, здесь налицо коррелятивная символика, в соответствии с которой янское, активное, «мужское» убежище означает и как бы уже предсказывает успех Юя, а иньское, пассивное, «женское» укрытие – фиаско И. Но Мэн-цзы сам о такой символике не упоминает и даже не намекает на неё, оставляя эти смыслы полностью «за кадром», если он и имеет их в виду, они не являются для него каким-либо доводом. Аргументами ему служат находимые им в том же примере вполне рациональные причины, объясняющие различие в конечных судьбах двух героев. Вместе с тем «Янский город» и т.п. символы появляются здесь, видимо, не случайно – они делают описание более ярким и оттеняют то сопоставление, на котором он заостряет внимание в своей аргументации. Это функционально сближает упоминание «янского» и «иньского» с тропами и риторическими фигурами, относит к стилистике повествования.

В принципе, ту же функцию выполняют в тексте и упомянутые выше числа. Их основной смысл, конечно, вполне эмпирический. По эталонной норме, состоящей в способности прокормить девять

человек, определяется жалование всех степеней. Но одной эмпиричностью смысл чисел у Мэн-цзы тоже не исчерпывается. Об этом свидетельствуют его арифметические предпочтения. Если числительное «один» (一) и действие «удвоения» (эр 二, бэй 倍) в данной речи встречаются соответственно 12 и 10 раз, то остальные – от одного до трёх. Обращают на себя внимание числа и их соотношения, определяющие количество членов его классификаций. Титулы делятся на 5 ойкуменических и 6 удельных, составляющих в совокупности 11. Различаются также 4 ойкуменических владения, а в пределах царского домена – 3. Общее количество ойкуменических титулов и соответствующих им уделов – 9. Выделяются ещё 3 группы княжеств и 5 разрядов дохода от хлебопашества, воспроизводимых в делении чиновничьего жалования. И сами числа могут приобретать дополнительные коннотации от признаков определяемых ими предметов. Единичность сына неба в мире и государя в уделе подчёркивается их десятикратным превосходством в размере владения или жалования над своими ближайшими по рангу вассалами и подданными.

Всё это исходные числа в нумерологии. А она, как известно, является одним из символических способов познания мира. Если ей руководствоваться, то главное в мысли Мэн-цзы следует искать в традиционной символике этих цифр, восходящей к гаданию по гексаграммам. Но та же нумерология может трактоваться и как разновидность математической логики, тогда в реплике Мэн-цзы должна заключаться формальная логичность на языке чисел, обуславливающих структуру текста. Конечно, вполне очевидно, что всякая речь может быть до тонкости вычислена и переведена в математические формулы, но Мэн-цзы о них не думал. То же относится к гексаграммам, хотя его с ними могли объединять общие особенности китайской мысли. И логику он вполне осмысленно использует, но не как исчисление, а в её риторическом варианте, при котором логические приёмы под влиянием стиля приводятся не полностью и с изменением своего обычного порядка выражения.

Именно на такой логике выстраивает Мэн-цзы описание бюрократической иерархии. Для этого он обращается к делению понятий, их определению, многоступенчатой классификации, транзитивному отношению. Титулы у него, по существу, даются как подвиды двух основных видов – ойкуменического и удельного, для которых понятие «титула» выступает родовым. Титульные владения, жалования и земельные доходы тоже представляют собой разные классы, образуемые делением их родов. В то же время сами эти члены деления становятся определяющей частью (дефиниенсом) определений

через перечисление, т.е., например, как в начале описания, классификация титулов, равнозначная их перечислению, служит выявлению определяемого предмета (дефиниендума) – количества степеней знатности, хотя здесь данные части дефиниции располагаются в обратном порядке. Только в конце (два последних абзаца) они приводятся уже в своей нормальной последовательности. В ряде случаев род и определяемое понятие прямо не выражены. Видообразующим признаком в дифференциации владений, жалований и доходов выступает их размер с той особенностью для окладов, что они указываются не прямо, а по соотношению своих величин. Перечисление жалований в трёх разновидностях княжеств (разделённых тоже по размеру) есть в то же время совмещённая с эквивалентной транзитивностью, выраженная многими посылками обратной импликации. Но исходной является прямая импликация, подразумевающая невысказанный вывод: если оклад служащего простолюдина равен доходу земледельца, то жалованье государя в десять раз больше, чем у его вельможи (см. аналогичный пример в 7.12). Вообще в описании всей иерархии Мэн-цзы следует схеме такой обратной транзитивности. У него подвиды титулов перечисляются до конкретизации их видообразующих признаков – размеров владений и жалований, а те в свою очередь предшествуют своим исходным единицам измерения – наделу и доходу земледельца. Описание иерархии становится обратным её возникновению, которое мыслится по посылкам прямой импликации: если земледельцев в соответствии с «колодезным» принципом обеспечивают полями и они получают сообразные доходы, то это позволяет классифицировать жалованья и владения, а если их классифицируют, то могут выявлять различные виды и подвиды титулов (ср. в 5.3 положение о «межевании» полей как «начале человеческого правления»).

Как видим, непосредственно выражать эту логику в цифрах Мэн-цзы не требовалось. Но числа напрямую соотносились со стилем и, в особенности, с ритмом его речей. Это значение числа подчёркивал в западной традиции ещё Аристотель: «Всё измеряется числом, а по отношению к форме стиля числом служит ритм...» [1, с. 139]. И уточнял свою мысль положением о том, что «периодическая речь имеет число». Здесь же он давал определение периода: «Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец, и размеры которой легко обозримы» [1, с. 140]. Реплика Мэн-цзы на вопрос Бэйгун Ци как раз и может служить одним из примеров периодической речи в древнекитайской философской прозе. Период образует простое или сложное предложение, отличающееся смысловой и

ритмико-интонационной законченностью. В нём вычленяются две части: протазис, с повышением голоса, и аподозис, с понижением тональности. Его по смыслу и интонационно-ритмически структурируют также колоны, или колена, члены, т.е., по словам Цицерона, «краткие высказывания чего-то о какой-то вещи без выявления целиком всей мысли, которая вновь подхватывается другим коленом речи» [1, с. 323]. Аристотель о них пишет: «Период может состоять из нескольких членов (сōla) или быть простым. Период, состоящий из нескольких членов, имеет вид законченной фразы, может быть разделён на части и произнесён с одного дыхания весь... Простым я называю период одночленный» [1, с. 141]. В соответствии с этими определениями реплика Мэн-цзы может быть разделена на 11 периодов, совпадающих в переводе с абзацами. Они равны по числу титулам, и первый период, будучи обобщающим вступлением к остальным 10, образует с ними такое же соотношение 1/10, как звание сына неба с другими степенями знатности. Значение единичности выражается структурой периодов, примечательной тем, что в первых восьми периодах до десятого (в шестом заключительный член опущен) аподозис, соответствующей в логике определяемой части, состоит из одного колона: 1) 4/1, 2) 5/1, 3) 6/1, 4) 5/1, 5) 4/1, 6) 3/-, 7) 7/1, 8) 7/1, 9) 7/1, 10) 2/6, 11) 1/1. В последнем аподозис тоже одночленный, но он логически является уже не определяемым, а определяющим. Ряд колонов, особенно во втором и третьем периодах, близки к коммам, т.е. к тому, что Деметрий (ок. I в. н.э.) определял как «короткий уменьшенный колон» [1, с. 239]. Не везде в литературном переводе можно было чётко обозначить границы между колонами. Например, в первом периоде членение по оригиналу: 其詳不可得聞也, / 諸侯惡其害己也, / 而皆去其籍, / 然而軻也, // 嘗聞其略也 (досл. перевод: «Подробно об этом нельзя узнать, / князьям было ненавистно то, что оно вредило им, / и все устранили его записи, / и хотя так, но что до Кэ (меня), // (я) слышал о нём в общих чертах»). Или в конечном периоде: 庶人在官者, // 其祿以是為差 (досл. перевод: «Если говорить о простолюдинах, находящихся на государственной на службе, // то их жалованье различалось в соответствии с этим»). Акцент в содержании речи на удвоении стилистически тоже вполне выражается в том, что основу её формы составляет синтаксический параллелизм в сочетании с приёмом перечисления. Почти во всех периодах протазис, а в предпоследнем аподозис, состоит из многократного повтора параллельных колонов, сами же периоды, кроме первого, разделяются на группы, в которых они конструируются параллельно друг другу.

Литература

1. Античные риторика. Под ред. *А.А. Тахо-Годи*. М., 1978.
2. *Гране М.* Китайская мысль. Пер. с фр. *В.Б. Иорданского*, под общ. ред. *И.И. Семенов*. М., 2004.
3. *Позднеева Л.Д.* Литература Древнего Китая // Литература Древнего Востока. Под ред. *Н.И. Конрада* и др. М., 1970.
4. *Померанцева Л.Е.* «О некоторых стилистических особенностях „Хуай-наньцзы“» // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969.
5. *Сторожук А.Г.* Три учения и культура Китая. СПб., 2010.